

УДК 111.85
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-209-214
EDN QOBLKO

Русская вокальная школа: к определению понятия

¹ Лу Юань, ² Ху Лина

¹ Хунаньская технологическая компания с ограниченной ответственностью «Цзичэн»,
КНР, 410014, г. Чанша, ул. Чжун Иилу, д. 66

² Чанчуньский педагогический высший специальный колледж
КНР, 130000, г. Чанчунь, пр. Чанлун, д. 7
172141357@qq.com; 54727717@qq.com

Аннотация. В статье рассматривается феномен русской вокальной школы. На основе анализа определений делается вывод об отсутствии четких характеристик вокальной школы как культурного явления. В решении выявленной проблемы предлагается отталкиваться от концепции наследования знания и деятельности М.К. Петрова, что дает основание понимать под школой сочетание универсального и специфического длящейся во времени последовательности передачи вокальных практик, где универсальное обусловлено анатомическими и физиологическими особенностями фонации, а специфическое проявляется на уровне формы музыкального произведения, получающего культурную специфику. Отмечается, что важную роль в возникновении вокальной школы играет фигура творца – новатора, который не только создает новацию, но также изменяет существующий интерьер деятельности.

Ключевые слова: культура, музыка, традиция, школа, деятельность, знание

Для цитирования: Лу Юань, Ху Лина, 2026. Русская вокальная школа: к определению понятия. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(1): 209–214. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-209-214 EDN: QOBLKO

Russian Vocal School: Towards the Definition of the Concept

¹ Lu Yuan, ² Hu Lina

¹ Hunan Jicheng Technology Limited Liability Company,
66 Zhong Yilu St., Changsha 410014, China

² Changchun Pedagogical Higher Special College,
7 Changlong Ave., Changchun 130000, China
172141357@qq.com; 54727717@qq.com

Abstract. The article examines the phenomenon of the Russian vocal school. The authors undertake an analysis of definitions, concluding that there are no clear characteristics of vocal school as a cultural phenomenon. In solving the identified problem, it is proposed to build on the concept of inheritance of knowledge and activity by M.K. Petrov, which gives reason to understand the school as a combination of universal and private, a time-consuming sequence of transmission of vocal practices, where the particular is determined by the anatomical and physiological features of phonation, and the particular manifests itself at the level of the form of a musical composition that receives cultural specificity. It is noted that an important role in the emergence of the vocal school is played by the figure of the creator – innovator, who not only creates innovation, but also changes the existing interior of the activity.

Keywords: culture, music, tradition, school, activity, knowledge

For citation: Lu Yuan, Hu Lina. 2026. Russian Vocal School: Towards the Definition of the Concept. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 209–214 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-209-214 EDN: QOBLKO

Введение

Русская вокальная школа является одной из общепризнанных и известных в мире школ вокала. Она имеет свою богатую историю и традиции, отражая уникальность и самобытность русской культуры. Имеющиеся публикации по отдельным аспектам ее развития, уделяют значительное внимание специфике, истории возникновения и развитию русской вокальной школы, не останавливаясь на самом понятии вокальной школы и роли в ее становлении национального компонента. Вместе с тем, нам представляется актуальным вопрос о школе как явлении культуры, достаточно устойчивом во времени и имеющем свою культурную и национальную определенность, при некоторой доли универсализма. Поскольку сам феномен вокальных школ имеет международный характер.

В этой связи Т.В. Шастина отмечает, что: «В историческом развитии русская вокальная школа сформировалась как культурный феномен и включает следующие взаимосвязанные и взаимозависимые составляющие: 1) произведения русского фольклора и русское народное пение; 2) церковная музыка и церковное пение; 3) русская композиторская школа, сочинения вокального искусства, оперное и академическое пение; 4) современное профессиональное исполнительство; 5) вокальная педагогика» [Шастина, 2020, с. 142]. То есть русская вокальная школа берет свое начало в народном творчестве и традиции церковного пения и музыки, на определенном этапе исторического развития трансформировавшихся под влиянием академического пения и итальянской оперы и при творческом участии русских исполнителей и музыкантов как носителей языка и культуры. А.С. Яковлева также отмечает, что русская вокальная школа является важной частью русской культуры, но также «достижением мирового музыкального искусства» [Яковлева, 1999, с. 3]. К.Ф. Никольская-Береговская во введении к работе «Русская вокально-хоровая школа IX – XX веков» отталкивается от исторического анализа в объяснении особенностей русской певческой школы.

Историческая общность как некоторая устойчивость пения, его форм, как традиция выступает основным определяющим критерием в перечисленных исследованиях русской вокальной школы и целом ряде других. Указанный аспект устойчивости и изменчивости во времени составляет первый проблемный момент, который мы предлагаем зафиксировать в определении вокальной школы. Вторым заключается в самом понятии школы, что также предполагает обучение, тогда как вокальная школа обязательно предполагает исполнение, а значит творчество и новацию. Обозначим это противоречие как второй проблемный аспект. Т.В. Шастина отмечает его в своем определении вокальной школы: «Понятие «русская вокальная школа» применяется в широком и узком значениях. В широком значении: во-первых, выделяется его тесная связь с педагогикой – образованием, обучением, воспитанием; во-вторых, как школа, имеющая национальную принадлежность, она обладает многовековой культурой, связанной с конкретным обществом, особенностями его языка, уклада жизни и окружающей природы; в-третьих, русская вокальная школа имеет собственную историю формирования и развития, преемственность. В узком смысле рассматриваемое понятие подразумевает формирование культуры пения, профессиональное развитие певческого голоса, голососбережение» [Шастина, 2020, с. 142]. Отталкиваясь от выделенных нами проблем, отметим их взаимосвязанность и попробуем дать свой ответ.

Школа и проблема наследования знания

Школа как явление в истории человечества неразрывно связана с передачей знания. В случае вокальной школы знание может быть конкретизировано. Т.В. Шастина, опираясь на идеи В.С. Степина предлагает рассматривать вокальную школу как «надбиологическую программу вокальной культуры, которая регулирует взаимоотношения и певческую деятельность в вокальном исполнительско-педагогическом сообществе» [Шастина, 2020, с. 142]. То есть речь идет о регулировании коммуникации и деятельности на основе

определенного знания или кода. Шастина пишет о «фонокоде», под которым понимается: «а) вокальные и педагогические традиции; б) певческая деятельность всех явлений, которые стали истоками русской вокальной школы» [Шастина, 2020, с. 142]. Речь идет о фольклорном пении, итальянской опере, которая уже упоминалась в качестве фактора, повлиявшего на изменение традиционного пения и возникновение русской певческой школы. Разделение на исконную традицию и внешнее в истории, но важное для возникновения нового явления здесь дается как факт, но отражает реальную логику трансляции коммуникации и деятельности.

Ее описал М.К. Петров в работе «Язык. Знак. Культура», также отмечая вне биологический характер кодирования информации в человеческом сообществе. Он отмечает, что передача информации вне биологического носителя, гена, может основываться только на знаке. Только знак является носителем смысла, а также тем основанием, на котором основано возможное изменение значения. Передача происходит посредством коммуникации с ее опосредованием знаком [Петров, 2004, с. 29]. И знак становится столь же важен, как и деятельность, без которой существование человека представить себе невозможно. Петров уравнивает значение знака и деятельности, понимая их как равнозначные «формы существования наличной суммы обстоятельств», с той большой разницей между ними, что деятельность всегда предполагает свой конечный характер, она ограничена конкретным человеком, субъектом деятельности. Знак же носит вне субъектный характер и не зависит от пространства и времени, что сообщает ему свою специфику: «... внебиологическое знаковое отчуждение деятельности в виде знания от конечных смертных индивидов, субъектов деятельности, и от столь же конечных единичных предметов их деятельности. отчуждение в знание делает знаковую форму существования суммы обстоятельств относительно автономной и независимой от перипетий жизни любого отдельно взятого индивида, транспортабельной по потоку входящих в жизнь индивидов, что и придает ей черты устойчивости и вечности, позволяющие использовать остановленную в знаке реальность знания для передачи социальности от поколения к поколению» [Петров, 2004, с. 30]. Второе следствие вневременности знака заключается в том, что знак всегда предшествует непосредственному опыту конкретного живого человека, который рождаясь уже оказывается погружен в социальность и формы деятельности. Поэтому структура трансляции знания предполагает вначале знание, потом индивида и после деятельность [Петров, 2004, с. 31]. Более того, сама стереотипность человеческой деятельности, стремление снизить энергетические издержки, приводит к «упаковке» способов действия в удобные формы для их актуализации и передачи, ту или иную практику [Борисов, 2024].

Важное уточнение состоит в том, что при всей универсальности сказанного о деятельности и коммуникации, они не носят абстрактный характер. Индивиды включены в цикл воспроизводства деятельности и практики коммуникации той или иной, но всегда совершенно конкретной культуры. А сама последовательность, тот факт, что субъект воспринимает всегда уже готовое, опосредованное кем-то знание, предопределяет возникновение школы как явления, связанного с целенаправленной передачей знания и определенных способов деятельности. К последнему можно отнести и то, что ранее упоминалось как «фонокод» – певческая деятельность в рамках той или иной традиции. И отметим, что он составляет только часть всего комплекса, образующего школу как процесс трансляции знания и деятельности.

Шастина выделяет три «слоя» в вокальной школе как системе: «Первый – традиции, отражающие вокальное прошлое, которые в XXI в. Утратили актуальность бытования, но являются важным предметом изучения, для сохранения этничности... Второй слой программ относится к настоящему: культурная традиция, обеспечивающая воспроизводство технологии пения и педагогической технологии, характеризующая современную певческую деятельность, обучение пению, вокальное воспитание,

формирование певческой культуры личности и общества в современных условиях характеризуется инновационностью... Третий слой образуют надбиологические программы, которые адресуются будущим поколениям профессиональных певцов» [Шастина, 2020, с. 142-143]. Деление на «слои» системы трансляции знания – деятельности в рамках вокальной школы осуществлено исходя из критерия времени, где прошлое представлено «культурным архивом» или традицией, настоящее актуальным процессом передачи певческой деятельности и будущее инновациями в транслируемой практике. Схема социокультурного наследования М.К. Петрова исходит из собственной логики деятельности и представляется более удачной для анализа феномена вокальной школы. Последовательность знание – индивид – деятельность опирается не на внешний атрибут, а на саму реальность культуры, в которой человек является носителем знания и субъектом деятельности, отчуждая ее в знаковые формы для передачи следующему поколению.

При этом сама передача как процесс нуждается в уточнении, так как сочетает в себе как процесс непосредственной передачи, у М.К. Петрова трансляции знания, так и трансмутации – изменения знания под влиянием изменившихся условий и деятельности, а также просто коммуникации. И школа как феномен не только включает все перечисленные варианты, но также и то, что Петров называет интерьером, понимая под ним «... вычлененное из социального окружения вообще и прихватывающее реалии самой социальности «рабочее место» данного смертного индивида, как оно определено фрагментом знания» [Петров, 2004, с. 33]. Интерьер таким образом непосредственно включен в процесс передачи знания и также составляет часть школы. Возникновение новой школы будет связано с появлением новой области знания, точнее фрагмента знания, как и нового интерьера. Взятая в таком ракурсе русская вокальная школа не просто возникает из соединения народной традиции и церковного пения под влиянием оперного заимствования, а являет собой новацию, связанную с появлением нового знания и способов деятельности. М.К. Петров пишет об индивиде-новаторе, который не только делает некоторое открытие, но также решает задачи признания значимости новой деятельности. в этой связи целый ряд исследователей отмечает, что решающую роль в возникновении русской вокальной школы сыграл Глинка, создавший оригинальную систему упражнений от примарных тонов среднего регистра [Никольская-Береговская, 1998, с. 41]. Такой метод обучения с одной стороны продолжал традиции народного и церковного пения, что укладывается в логику трансляции уже известного знания, но также представлял собой оригинальное авторское новшество. Более того, Глинка обладал возможностью изменения интерьера этого фрагмента знания. К.Ф. Никольская-Береговская отмечает: «Работая в придворной певческой капелле капельмейстером и учителем пения, Глинка, несомненно, усвоил сущность и особенности вокально-хоровой методики обучения певчих в хоре» [Никольская-Береговская, 1998, с. 42]. Сама же причастность к придворной певческой капелле давала возможность изменения методик обучения и последующей передачи новации. Мы акцентируем внимание на такой возможности как основной для существования школы, для которой приоритетным видом деятельности является трансляционная, а уже после трансмутационная, связанная с изменением. И закрепление новаций хотя и лежит у истоков любой школы, одновременно является угрозой ее существованию. Это обозначенный выше аспект сочетания устойчивости и изменчивости школы, который решается в случае национальных вокальных школ причастностью к конкретной культуре и сохранением культурной самобытности.

С этим же связана дилемма сочетания в школе специфического и универсального. Шастина отмечает, что «современный подход к формированию этнопевческой культуры личности тесно связан с деятельностью певческой, которая, в свою очередь, зависит от голоса и всех его свойств. Голос человека как особая функция организма – уникальный

природный феномен, который постоянно научно изучается, появляется сразу после рождения как врожденный безусловный рефлекс и позволяет осуществить деятельность певческую – фонацию – процесс, имеющий важную психофизиологическую составляющую» [Шастина, 2020, с. 142–143]. То есть сам голос, как и фонация достаточно универсальны. Они связаны с анатомическими и физиологическими особенностями конкретного человека, что обуславливает общность правил вокальной педагогики. Однако, универсальность заканчивается уже в конкретных музыкальных формах, которые, как пишет Асафьев, может приниматься или не приниматься слушателями, усваиваться и запоминаться. И музыка одной культуры будет непривычной для представителя другой [Асафьев, 1971, с. 25]. И сам голос как феномен сталкивается здесь с различными способами его использования, на уровне философских категорий можно обратиться к понятию формы, которая в данном случае выступает как культурно обусловленная.

Заключение

Вокальная школа является объективной формой существования певческих практик, что, как показал наш анализ, опирается на базовый процесс передачи знания и деятельности. При этом она сочетает в себе противоречивые процессы трансляции, передачи традиции с трансмутационными процессами возникновения нового. Важную роль при этом играет личностный фактор и фигура творца – новатора, не только изменяющего традицию, но также находящего способ изменения самой нормы, интерьера деятельности. Феномен певческой школы также связан с сочетанием универсального и специфического, где универсальное проявляется в анатомо-физиологических основаниях фонации, а специфическое предстает как культурная обусловленность самой формы.

Список литературы

- Асафьев Б. 1971. Музыкальная форма как процесс. Л., Музыка, 376 с.
- Борисов С.Н., Дроботова Н.А., Дмитраков Р.А. 2024. Культурно-историческая практика: к истории одного понятия. Часть 2. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 49(1): 17–25. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-17-25. EDN: ONGFSZ.
- Бондаренко Е.А., Борисов С.Н., Римская О.Н., Римский В.П. 2016. Интеллектуал и капитализация знания в европейских типах доиндустриального духовного производства. В кн.: *Культурный капитал. Инновации. Наука (от писцовых школ к "обществу знаний")*. Под ред. И.Б. Игнатовой, О.Н. Полухина, В.П. Римского. Белгород, Белгородский государственный институт искусств и культуры. С. 106–126. EDN: ZXBBAT.
- Никольская-Береговская К.Ф. 1998. Русская вокально-хоровая школа IX–XX веков. М., Языки русской культуры, 192 с.
- Петров М.К. 2004. Язык. Знак. Культура. М., Едиториал УРСС, 328 с.
- Шастина Т.В. 2020. Русская вокальная школа: традиции и перспективы. *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*, 4: 140–144.
- Яковлева А.С. 1999. Русская вокальная школа: Исторический очерк развития от истоков до середины XIX столетия, М., Моск. гос. консерватория им. П.И. Чайковского, 96 с.

References

- Asaf'ev B. 1971. Muzykal'naya forma kak protsess [Musical Form as a Process]. Leningrad, Muzyka, 376 p.
- Borisov S.N., Drobotova N.A., Dmitrakov R.A. 2024. Kul'turno-istoricheskaya praktika: k istorii odnogo ponyatiya. Chast' 2 [Cultural-Historical Practice: On the History of a Concept. Part 2]. *Nomothetika: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 49(1): 17–25. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-17-25. EDN: ONGFSZ.
- Bondarenko E.A., Borisov S.N., Rimskaya O.N., Rimskii V.P. 2016. Intellektual i kapitalizatsiya znaniya v evropeiskikh tipakh doindustrial'nogo dukhovnogo proizvodstva [Intellectual and Capitalization of Knowledge in European Types of Pre-Industrial Spiritual Production]. In: *Kul'turnyi kapital*.

- Innovatsii. Nauka (ot pistsovykh shkol k "obshchestvu znani")* [Cultural Capital. Innovation. Science (From Scribe Schools to "Knowledge Society")]. Ed. by I.B. Ignatova, O.N. Polukhin, V.P. Rimskii. Belgorod, Belgorodskii gosudarstvennyi institut iskusstv i kul'tury. pp. 106-126. EDN: ZXBBAT.
- Nikol'skaya-Beregovskaya K.F. 1998. Russkaya vokal'no-khorovaya shkola IX–XX vekov [Russian Vocal and Choral School of the 9th-20th Centuries]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 192 p.
- Petrov M.K. 2004. Yazyk. Znak. Kul'tura [Language. Sign. Culture]. Moscow, Editorial URSS, 328 p.
- Shastina T.V. 2020. Russkaya vokal'naya shkola: traditsii i perspektivy [Russian Vocal School: Traditions and Prospects]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, 4: 140–144.
- Yakovleva A.S. 1999. Russkaya vokal'naya shkola: Istoricheskii ocherk razvitiya ot istokov do serediny XIX stoletiya [Russian Vocal School: A Historical Sketch of Development from the Origins to the Mid-19th Century]. Moscow, Moscow State Conservatory named after P.I. Tchaikovsky, 96 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 08.07.2025
Поступила после рецензирования 08.10.2025
Принята к публикации 28.02.2026

Received July 08, 2025
Revised October 08, 2025
Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лу Юань, сотрудник Хунаньской технологической компании с ограниченной ответственностью «Цзичэн», г. Чанша, КНР.

Ху Лина, преподаватель, Чанчуньский педагогический высший специальный колледж, г. Чанчунь, КНР.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lu Yuan, employee of Hunan Jicheng Technology Limited Liability Company, Changsha, PRC.

Hu Lina, Lecturer at Changchun Pedagogical Higher Special College, Changchun, PRC.